

Бессмертный „Гамлет“

...Гамлет — Майкл Редгрейв вырывается из рук караульных офицеров, чтобы идти на зов мстительной Тени, его черный плащ остается у них в руках. И потом почти весь спектакль датский принц среди великолетия и блеска пышного и преступного клавдиева двора в простой белой рубашке, как бы ничем не защищенный, открытый для жестоких ударов.

Этот сценический контраст во многом определяет мысль спектакля Шекспировского мемориального театра, показанного вчера в Ленинграде. Светлый человек в страшном мире, почти совсем одинокий, вступает в неравный бой с силами преступления, бесстыдства и зла...

Когда после первого короткого диалога с матерью-королевой Гамлет резко стирает со своего платья след коснувшейся его запятой рукой преступлением руки, а позже отплевывается от немыслимого прикосновения Гильденстерна или с отчаянной ненавистью смотрит в упор на короля-убийцу, — ярость, горечь и боль важнее в его исных и добрых глазах. Зябкая дрожь лихорадки охватывает его тело, когда он узнает о гибели отца. Это дрожь ужаса перед смрадной жизнью Дании-тюрьмы. Он думает о собственном человеческом несовершенстве, а сдвинувшее рыдание вырывается из его груди, когда перед ним, еще не исполнившим свой долг, актер горюет над судьбой чужой для него Текубы. Стремление к справедливой мести неотделимо для Гамлета — Майкла Редгрейва от желания стать лучше, быть истинно достойным высокого звания человека. Спрашивая Офелию, знает ли она, где сейчас ее отец, он крепко прижимает девушку к груди, как бы прощаясь с ней навсегда и все-таки надеясь, что Офелия не виновата в низком

Спектакль Шекспировского мемориального театра

обмане. С решимостью, но в то же время с отчаянием вонзает он шпагу в спрятанного за занавеской Полония. Актер играет так, что становится ясно: юноша первый раз в жизни убил человека.

Так вырастает перед зрителями замечательный образ гуманиста — бессмертный образ Гамлета.

Нет, это не человек слабой воли — такая мысль далека от истокования роли датского принца Майклом Редгрейвом. Его чувства сильны — любви бескомпромиссна, долг непоколебим, гнев беспощаден. Его сомнения происходят не от малодушия, минутная нерешительность — не от духовной слабости. «Быть или не быть», как и другие знаменитые монологи Гамлета, у артиста — сложный процесс размышления, постижения долга. Есть что-то детски непосредственное, простодушное в том, как объясняет он актерам задачи их искусства; есть светлая веселая радость в его нежности к Офелии или к Горацио. Это — отдельные штрихи характера, но их основа глубока. Гамлет — чистая натура, созданная именно для того, для чего и должен жить человек, — для добра, для счастья, для высоких целей. И потому столкновение с низостью Дании-тюрьмы и выпавшая на его долю тяжкая обязанность мести так трагичны для него.

Трагичен в спектакле и образ Офелии. Уже в первом акте с трепетом смотрит вокруг юная дочь Полония (артистка Дороти Тьютинг). Она уже ощутила сердцем, хотя и не осознала, что вокруг плохо, не благополучно. Все шире открываются

ее глаза по мере развития действия, и вот уже на юном лице печать глубокого страдания. В бурных искриках безумной Офелии — Дороти Тьютинг угадывается нечто более важное, чем замученность сознания. Слово из глубины души юной девушки вырывается протест против жестокости судьбы — запоздалый бунт разбитой жизни. Не оттого ли перед бедным гибнущим существом застыла в коротком безмолвии королева и королева, словно им даю на мгновение взглянуть на дно своих преступных душ?

Своеобразен образ Клардия (артист Марк Дигвиз). Это — спокойный, благообразный человек, преступник в маске. Мягко говорит он с Гамлетом, ласков и приятлив с придворными. Но когда на авансцене Клавдий целует королеву, есть в этом поцелуе темное сладострастие; после «мышеловки», в своих покоях, он до конца открывает свое подлое лицо.

Отказ от какого бы то ни было гротеска, столь типичный для всех гастрольных спектаклей Шекспировского мемориального театра, сказывается в исполнении роли Полония (артист Сирил Лакхэм). Эффективна королева Гертруда (артистка Корал Браун). Необычно истолкована невогаторые роли. Лицо Горацио (артист Рон Хэдрик) сурово и почти мрачно, строго и пристально смотрят его чуть запавшие глаза, но это — благородный друг благородного Гамлета. А Розенкранц (артист Пол Харвик) и Гильденстерн (артист Майкл Мичэм) полны обаяния; один жественно изящен, другой — располневший, добродушный. Но как они наблюдают исподтишка, эти «милые юноши» согладала...

Режиссер Глен Байэм Шоу и художники Мотли не стремятся создать на сцене реальный, зримый

образ Дании-тюрьмы. Декорации «Гамлета» как бы невесомы — черно-золотые колонны, быстро сменяющиеся отдельные детали, позволяют угадать место действия, и горизонт, переливающийся разными красками, то сгущающийся до мрака, то расцветавшими светлым перламутром. Жесткая атмосфера, в которой задыхался датский принц, передана тонкими деталями режиссерского искусства. В этом смысле особенно красноречив момент погони за Гамлетом после убийства Полония. Придворные в пуцовых нарядах окружают принца. Обнаженные шпаги направлены к его груди. Гамлет в кольце. Это так же выразительно, как и контраст траурного плаща принца на фоне бурых красок бесстыдной клавдиевой свадьбы.

Одна скупая деталь у Глена Байэма Шоу часто достигает того, чего

другой режиссер добивался бы с помощью множества приемов. Так, одно только усиление легкого звука барабана в сцене «мышеловки» доводит напряжение эпизода до кульминации. А главные усилия артистического ансамбля сосредоточены на том, чтобы ярко и выразительно звучало шекспировское слово. Сценическое действие и характеры создаются поистине прежде всего речами действующих лиц.

Финал спектакля — скорбный путь Гамлета. Оканчивается жизнь прекрасного юноши, но бессмертный герой Шекспира снова и снова будет выходить на сцену, чтобы звучал его призыв к человечности, как звучит он в глубоком спектакле наших английских гостей.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО

На снимке: сцена из второго акта спектакля «Гамлет»
4 Фото Г. Чортова

20 ДЕК 1950
Возвращай Ленинград
Л. ЛЕНИНГРАД